

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ МОСКОВСКИХ ЕВХАРИСТИЧЕСКИХ СПОРОВ XVII ВЕКА

СВЯЩЕННИК ПАВЕЛ ХОНДЗИНСКИЙ

Несмотря на то, что большинство документов, относящихся к московским евхаристическим спорам XVII столетия, были опубликованы еще в XIX в., это не означает, что сегодня у историков есть ответы на все вопросы, связанные с этим важнейшим эпизодом русской церковной истории. В частности, до сих пор не существует единого мнения о том, что именно послужило конкретной причиной для начала указанных споров, так глубоко и болезненно затронувших все слои русского общества. Нижеследующая статья ставит своей задачей предложить гипотезу, восстанавливающую последовательность событий.

Один из дореволюционных историков назвал время царствования Федора Алексеевича «временем разнузданного пробуждения русской мысли»¹. При всей резкости этой характеристики в ней есть доля правды. XVII век действительно оставляет ощущение какого-то умственного «взрыва» — именно умственного, а не духовного. Уже современников поражало, с какой страстью обсуждался тогда, например, вопрос о времени пресуществления Святых Даров. Как во времена Каппадокийцев в Москве богословствовали на рынках и на пирах², богословствовали страстно и резко. Вообще, полемика — основной жанр богословов XVII в., причем это была полемика, в которой, как правило, каждый слышал только себя. Кажется, что русскому человеку захотелось тогда выговориться и *самому* во всеуслышание сказать о том, о чем раньше говорила за него традиция и «божественные книги».

Помимо внутренних, на то были и внешние причины. Именно XVII столетие является тем временем, когда «брожение» богословских идей перехлестывает границы долгое время чуждавшихся друг друга западной и восточной половин христианского мира. Без преувеличения можно сказать, что XVII столетие было для Запада последним столетием великих богословских споров — и речь идет не только о полемике между католиками и протестантами, но и внутриконфессиональных спорах: таких как спор янсенистов с иезуитами или спор лютеранских «ортодоксов» с пиетистами, или, наконец, спорах, полярность мнений в которых не определялась конфессиональными границами, каков был спор Фенелона и Боссюэ о чистой любви³. И не без оснований известный западный историк

¹ Смирнов П., *свящ.* Иоаким, Патриарх Московский // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1881. № 5. С. 577.

² См.: Остен: памятник русской духовной письменности XVII века. СПб., 2006. С. 88.

³ См.: Jacques Le Brun. *Le Pur Amour de Platon à Lacan*. Éditions du Seuil, 2002. P. 9.

богословия Герхард Подскальский в своей монографии «Греческое богословие во времена турецкого владычества» главу, посвященную этому времени, назвал «Православие в поле напряжения [Spannungsfeld] между западными конфессиями»⁴. Действительно, с одной стороны это было время активной деятельности греческой коллегии св. Афанасия в Риме, выпускавшей в большинстве своем убежденных сторонников унии, с другой – время не менее активного общения с греками протестантского мира, ищущего на востоке себе союзников против Рима. Иногда эти поиски оказывались небезрезультатными, как, например, в известной истории с патриархом Кириллом Лукарисом. Наконец, и католики, и протестанты именно в этом столетии начинают всерьез интересоваться мнением Востока по спорным для себя вопросам. Так, по ходу евхаристической полемики между янсенистами и гугенотами было запрошено мнение о пресуществлении православных Церквей, в том числе и Русской Церкви. Таким образом, существенным свойством эпохи следует признать тот факт, что это «поле напряжения», созданное западной богословской мыслью, распространилось тогда и на Восток, охватив собой не только Грецию, но и Россию. Однако проблемы, стоящие перед русской мыслью, были не тождественны проблемам греческого мира.

Греческая традиция, отстаивая православие перед лицом Запада, никогда не сомневалась в своей самоидентичности. Иное дело в России, где со времен падения Константинополя и прибытия в Москву униатского митрополита Исидора бытовало убеждение, что православие у греков пошатнулось, что «новые греческие книги» испорчены римлянами, а вместе с книгами «испортились» и сами греки. Вследствие этого греческая традиция не воспринималась уже безусловной выразительницей православия, но сама нуждалась в проверке и подтверждении, и в этой ситуации парадоксальным образом мнение Латинской Церкви могло прочитываться как мнение древней Церкви, будучи противопоставляемо «новому» греческому учению. Этим активно пользовались униаты⁵, но и не только они. В частности, указанный парадокс ярко обнаружился в известном евхаристическом споре конца XVII в.

Как известно, суть спора сводилась к вопросу о том, в какой момент евхаристического канона совершается пресуществление Святых Даров: при произнесении слов Спасителя «Примите, ядите», или после призывания Святого Духа на Дары. Понятно, что этот вопрос имел не только литургическое или догматическое, но и экклесиологическое измерение, подразумевая под собой и определенное различие в восприятии Церкви на Западе и на Востоке, и хотя именно это, в конечном счете, придало ему невиданную остроту в XVII в., обсуждался он тогда все-таки как вопрос догматический по преимуществу.

Уже до революции спор этот неоднократно привлекал внимание исследователей, которыми был написан целый ряд серьезных монографий, касающихся-

⁴ См.: *Podskalsky Gerhard*. Griechische Theologie in der Zeit der Türkenherrschaft. München, 1988.

⁵ «В этом отношении характерен ответ Ипатия Потя, второго униатского митрополита и одного из главных устроителей Унии, в письме к александрийскому патриарху Мелетию Пигасу: ...В Александрии вместо Афанасия теперь Кальвин, в Константинополе Лютер, и в Иерусалиме Цвингли» (*Флоровский Г., прот.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 40–41).

ся как истории самой полемики, так и личностей его участников⁶. Их авторы по-разному объясняли причины разгоревшегося конфликта. А. Прозоровский, исследователь жизни и трудов Сильвестра Медведева, считал, что хотя богословское содержание вопроса было доступно далеко не всем, оно в конечном счете было только внешним поводом, за которым стояла борьба представителей греческого и латинского направлений в русском образовании⁷, и связывал начало открытой полемики с приездом в Москву в марте 1685 г. известных братьев Лихудов. Он же выступил с критикой поддерживаемого другими учеными (Миркович, Шляпкин) предположения о том, что евхаристический спор начался еще в 1681 г., задолго до приезда Лихудов⁸. Доказывая свою точку зрения ссылкой на свидетельства самого Медведева и автора трактата о пресуществлении, приписываемого свт. Димитрию Ростовскому, Прозоровский относит начало спора к состоявшемуся 15 марта 1685 г. диспуту Лихудов с неким Яном Белобоцким, где первым же вопросом, заданным Лихудами Белобоцкому, был вопрос о времени пресуществления⁹. Надо сказать, что его точка зрения выглядит вполне убедительной. Во всяком случае оппоненты Прозоровского не смогли привязать начало спора ни к какой иной хронологической точке, поскольку полемические сочинения расходились тогда в рукописях, и установить, в каком году они были написаны, практически невозможно. Даже у такого серьезного ученого, как Миркович начало спора описано по преимуществу в сослагательном наклонении: «Кому из них принадлежала инициатива борьбы трудно сказать, но началась она, как и следовало ожидать, “со опасением”, нерешительно... На первых порах они “тайно” пропагандировали свои идеи, стараясь укрепить под собой еще нетвердую почву, привлечь на свою сторону возможно большее число адептов... По всей вероятности, начало принадлежало Медведеву...»¹⁰ и т. д. Главным возражением против позиции Прозоровского было, собственно, отсутствие ответа на вопрос: почему, если действительно *до* приезда Лихудов вопрос о времени пресуществления никого особенно не беспокоил, то *после* их приезда он вдруг вызвал такой пожар? Так, М. Сменцовский, автор монографии о братьях Лихудах, критикуя Прозоровского, писал: «Но почему же Лихуды избрали для спора [с Белобоцким] именно этот вопрос, и почему он нашел сочувствие в русском обществе?... Ведь должно же было что-то повлиять на их выбор. С другой стороны, вопрос неинтересный, не отвечающий запросам общества, само собой разумеется, не мог встретить сочувствия со стороны этого последнего, не мог привлечь его внимания, тем более не мог сделаться предметом того живого обсуждения, даже борьбы, которую он вызвал в действительности. Ясно, что вопрос этот уже назрел, что он был уже поставлен, хотя и не успел сделаться предметом литературной полемики. Он был обсуждаем пока еще устно и более или

⁶ Кроме того, в приложениях к ним были опубликованы все важнейшие относящиеся к полемике документы.

⁷ Прозоровский А. Сильвестр Медведев (его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 212.

⁸ См.: Там же. С. 238–242.

⁹ См.: Там же. С. 242–243.

¹⁰ Миркович Г. О времени пресуществления Св. Даров. Спор, бывший в Москве, во второй половине XVII-го века. Вильна, 1886. С. 80.

менее спокойно»¹¹. На основании этого рассуждения Сменцовский также делал далее вывод о том, что полемика началась еще задолго до приезда Лихудов.

Нижеследующее маленькое исследование представляет собой попытку ответить на поставленный Сменцовским вопрос, исходя из того, что спор все-таки начался именно с приездом самобратий.

***

Официальная история спора была изложена, как известно, уже после его завершения, в «Остне», изданном от имени патриарха Иоакима, но написанном его главным советником в богословских вопросах, иноком Евфимием.

Согласно «Остну», все началось с того, что «юноши неции из царствующаго града Москвы восхотеша отъити в Польское кралевство ради учения латинскаго». Именно они, насмотревшись на латинские обычаи (поклоны и звон «во время словес Христовых от иерея глаголемых») и не зная, что Православная Церковь мыслит по-другому («не бо самовидцы быша когда стран и обычаев церковных греческих и писанием еллинским и святых Отец Преданием невежди: юноши бо»), по возвращении домой рассказали неким своим знакомым «священноначальником и благородным мужем», что белорусы и латиняне «в возглашении словес Господних: “приимите, ядите” покланяются телу и крови Христове»¹². Впоследствии, после присоединения Малороссии, это учение распространяли также приходящие из тех краев на Москву «иереи, и монаси, и мирстии». Окончательно же утвердил на Москве неправославное мнение о времени пресуществления Святых Даров «Симеон, прозванием Полотский», который хотя и был «учен и добронравен», но прельстился «от изуитов, папешников сущих»¹³.

Если вспомнить, что эта история исходит из уст церковной власти, то выглядит она довольно странно, ведь косвенным образом из нее вытекает, что не только «юноши неции», но и *священноначальники* были «святых Отец Преданием невежди», иначе как бы могли они тогда так легко поверить невеждам-юношам? И действительно, как будет показано ниже, до определенного момента почти все на Москве, даже будущие защитники православия, придерживались латинской точки зрения на предмет. Исключение составлял, судя по всему, Епифаний Славинецкий, но и он вовсе не бил тревогу¹⁴. Правда, тот же «Остен» содержит рассказ о беседе, бывшей между старцами Епифанием и Симеоном в крестовой палате Патриарха. Во время этой беседы Симеон спросил, право ли веруют западные о времени пресуществления Даров, и получил ответ, что нет, не право, ибо восточные отцы учат, что только после призывания Духа Святого «претво-

¹¹ Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 126.

¹² Остен. С. 95–96.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Во всяком случае мысль о преложении Святых Даров после слов священника «преложив Духом Твоим Святым» присутствует в переведенной им «Скрижали». При этом, как пишет М. Сменцовский, «знаменательно, что Епифаний – главный деятель по исправлению московских богослужебных книг – пропустил совершенно незамеченным внесенное из южнорусских служебников в московские издания служебника 1655 и 1658 годов требование поклона на словах Господних. И к тому и к другому он составлял обширные предисловия» (Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 123).

ряется хлеб и вино, и бывает сущо истинное тело Христово и кровь Христова»¹⁵. Но и это известие кажется не вполне достоверным. Хотя указанный текст, помимо «Остна», входит и в рукописный сборник сочинений Епифания Славинецкого, однако не принадлежит ему самому, так как сам он упоминается здесь в третьем лице, как «муж многоученый, не токмо грамматики и риторики, но и философии и самая феологии известный... испытатель и искуснейший разсудитель»¹⁶. Следовательно, скорее всего, беседу Симеона и Епифания сохранил для нас тот же Евфимий, автор «Остна» и верный ученик Епифания. Но именно этот общепризнанный сегодня факт и понуждает усомниться в подлинности беседы. Епифаний умирает в 1675 г., а между 1675–1678 гг. Евфимий по повелению патриарха Иоакима составляет первую редакцию «воумления священником»¹⁷ (в своем окончательном виде, который оно приобретает уже в конце столетия, известно как «Известие учительное»). В ней он ясно излагает латинское учение о пресуществлении¹⁸. Того же учения держался, очевидно, и сам Патриарх, приказавший царям Иоанну и Петру во время коронации творить земные поклоны на словах Спасителя «Приимите, ядите»¹⁹.

Отсюда следует либо сомнительность известия о беседе Епифания и Симеона²⁰, либо тот факт, что Епифаний не считал, по-видимому, нужным поделиться с ближайшим учеником своими соображениями о времени пресуществления²¹, а тот не присутствовал при его беседе с Симеоном.

Таким образом, можно констатировать, что до определенного момента общепринятой или уж во всяком случае наиболее распространенной на Москве

¹⁵ Остен. С. 55.

¹⁶ См.: *Певницкий В.* Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы в XVII веке // Труды Киевской духовной академии. 1861. X. С. 176–177.

¹⁷ «С. Н. Брайловский отрицает авторство Евфимия в данном случае, однако совершенно голословно, между тем как в содержании “Воумления” повторяется типичный для инока Евфимия список рекомендуемых им для чтения священников книг» (*Флоровский Г., прот.* Чудовский инок Евфимий // *Slavia*. (19). 1949. С. 118).

¹⁸ «Евфимий говорит: “Вестно есть искусным, яко четыре суть вещи нуждныя к совершению тела и крове Христовы: 1) иерей, правильное рукоположенный, 2) намерение священническое, во еже совершити тайну, 3) вещь, тайне приличная, и 4) образ или совершение сея тайны”. По вопросу о четвертой «нуждной вещи» Евфимий замечает, что «образ или совершение тела Христова суть словеса Господня над хлебом, на дискосе сущем на престоле, от иерея с намерением ума его всего и мысли глаголемыя сия: “примите, ядите: сие есть тело мое”... Сими словеса хлеб пресуществляется, сиесть существо хлеба прилагается истинно в тело Христово... Тем же должен есть иерей своя парохияны учить и тщательно наказывать... еже при божественной Литургии, егда иерей глаголет: “Приимите, ядите”... благоговейно, низко да поклонятся, глаголюще “аминь”». «И сие учение, — заключает Евфимий, — о совершении таин божественнаго тела и крове Господа нашего Иисуса Христа есть апостольское и отец святых, якоже и Иоанн святыи Златоустый в слове своем пятом в великий четверток о св. вечери Спасове свидетельствует”...» (*Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 229–230).

¹⁹ Там же.

²⁰ С этим согласен, например, и М. Сменцовский: «Что касается диспута, то подлинность его сомнительна...» (*Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 121).

²¹ Ср.: «Спрашивается, каким образом Евфимий — этот строгий до мелочей последователь Славинецкого — мог усвоить латинское заблуждение в учении о совершительном моменте таинства евхаристии, если бы его учитель держался на этот предмет противоположного воззрения..?» (Там же. С. 125).

была латинская точка зрения на предмет²², не вызывавшая ни у кого никаких особенных возражений.

Напротив, *после* этого определенного момента, спор разгорелся с такой силой, что, по словам того же «Остна», которому вполне можно доверять в данном случае, «попущением Божиим, поущением же душегубца врага диавола, везде с друг другом в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах, и где любо случится кто друг со другом, в яковом любо месте, временно и безвременно, у мужей и жен то и слово о Таинствах, и о действе и совершении их... И от такового не лепаго и не подобающего совершения и испытнословия и любопрения прозябоша свары и распри, вражды и ересь хлебопоклонная...»²³

При этом «Остен» ничего не говорит о конкретном поводе к началу полемики. В результате складывается впечатление, что «огонь» внезапно вспыхнул там, где никто не ждал пожара, а это, в свою очередь, очевидно, означает, что повод к столкновению дало какое-то внешнее, в известном смысле «случайное» событие. В 80-х гг. XVII столетия таким событием мог быть только приезд греческих ученых богословов «самобратий» Лихудов, прибывших в Москву по рекомендации патриарха Досифея. Характерно, что «Остен» не говорит об этом

²² Вопрос, когда *действительно* она стала таковой, достаточно сложен. Во всяком случае, можно привести несколько фактов, хотя бы отчасти дающих ответ на него: «...о преклонении главы иереем, пред произнесением слов Спасителя (“примите ядите”) в литургии верных упоминается уже в служебниках – греческом XV в., Новгородском XV–XVI вв. и в служебнике Гедона Балабана, изд. в Стрятине в 1604 г. Во всяком случае только в Виленском служебнике, изданном в 1617 г. при типографии Леона Мамонича, известные слова Спасителя прямо названы “формой, т. е. образом, або совершением” тайны, как и в тридентском missal’e римско-католической церкви (Прозоровский А. Сильвестр Медведев. С. 224). В то же время: «В служебниках венецианского издания 1519 и 1527 гг. слова “примите ядите” и “пейте” произносятся без всякого замечания; перед словами же “и сотвори убо” и проч. есть замечание, указывающее на то, что во время произнесения их совершается пресуществление; именно говорится здесь прежде слов “и сотвори убо”: “егда же хошет священник творити призывание св. Духа и свершати св. дары...”» (Миркович Г. О времени пресуществления Св. Даров. С. 34); «...в служебнике 1651 года, изданном в последний год патриаршества Иосифа и переизданном без малейших изменений в 1652 г. уже при патриархе Никоне, после возгласа “примите, ядите”... сказано: “иерей и людие поклон творят”... В 1655 г. служебник был издан вновь, и в нем в чине литургии Василия Великого на словах Господних имеется следующее замечание “священник преклоняет главу, воздвиг десницу свою с благоговением, благословляет святой хлеб, возглашает глаголя «примите, ядите»”... На соборе 1667 г., на котором присутствовали восточные патриархи – Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский – и всея Руси патриарх Иоасаф, рассматривали служебник, и внесли в него вышеприведенное замечание служебника 1655 г.» (Прозоровский А. Сильвестр Медведев. С. 234). Более того, по словам того же автора, в 1675 г. внесли в архиерейский чиновник указанные слова из служебников 1651 и 1655 гг., добавив при этом, что «никтоже да дерзнет отныне, положенных zde превосходити или что оскудити, или оставити или преминити, но вся блюсти цела и неподвижна» (Там же. С. 235). При этом: «Евфимий правил чиновник архиерейского священнослужения, изданный в 1677 году, и первый занес сюда требование поклонов на слова Господни, заимствовав его для литургии Иоанна Златоуста – из служебника 1651 года, а для литургии Василия Великого – из служебника 1655–58 годов. Что особенно важно в этом случае, он самовольно решился изменить здесь чинопоследование, рассмотренное и одобренное самими восточными патриархами на Соборе 1667 года» (Сменцовский М. Братья Лихуды. С. 124).

²³ Остен. С. 88–89.

совсем, хотя, безусловно, именно Лихуды сыграли решающую роль в конечном разгроме латинствующей партии, возглавляемой учеником Симеона Полоцкого, монахом Сильвестром Медведевым. В то же время, как упоминалось, именно их приезд как начальную точку спора о времени пресуществления с определенностью называют по крайней мере два источника: сам Медведев и автор трактата, приписываемого одними исследователями святителю Димитрию Ростовскому, а другими — митрополиту Стефану Яворскому²⁴.

Прозоровский думает, что поводом к началу обличительной проповеди Лихудов против «латинумудров» стал публичный диспут с Яном Белобоцким — одним из откровенных уже авантюристов, в изобилии стремившихся тогда в Москву в надежде легкого ученого заработка. Первый же вопрос, заданный Лихудами на диспуте, был вопрос о времени пресуществления, на который Белобоцкий ответил латинским мнением, в чем с позором и обличен был Лихудами. Но вот что любопытно: диспут состоялся 15 марта 1685 г., а приехали Лихуды в Москву 6 марта, 9 марта быв допущены пред «светлые государские очи». Таким образом, у них было меньше недели на то, чтобы ознакомиться с тонкостями московской жизни, при том что славянского языка они, очевидно, не знали. Кто мог обратить их внимание на этот вопрос — Евфимий? Но он сам еще, кажется, не подозревал о своем латинумудрии. Патриарх? — но скорее он черпал свои богословские познания у Евфимия, чем Евфимий у него²⁵.

Чтобы рассеять недоумение, стоит обратить внимание на то чрезвычайное внимание, которое «Остен» уделяет поклонам при произнесении слов Христовых «приимите, ядите». К числу ложных учений, которые Медведев воспринял у своего учителя Симеона, «Остен» относит: «...первое, еже мнети, яко теми словеса претворятися хлебу и вину в тело и кровь Христову; второе, якобы тая словеса “приимите, ядите” к народу глаголема, повелевающа приимати и ясти; третье и *злейшее* (курсив мой. — *Свящ. П. Х.*), яко на тех словесех поклонятися яко сущо телу и крови Христове, егда еще хлеб и вино, по существу своему, токмо възобразна тела и крове Христове...»²⁶. Но если такой акцент на внешней стороне обряда не был удивителен для русской традиции XVII в., то странно, что и «просвещенные» Лихуды придали поклонам не меньшее значение, посвятив в главном своем полемическом труде против латинствующих — «Акосе» — специальный раздел этому вопросу и также заняв в нем крайне жесткую позицию.

Остается предположить, что Лихуды, не успев за несколько дней ознакомиться с московскими проблемами, успели все же побывать на московских службах, если не сами принять в них участие, и тогда либо смутились поклонами хозяев, либо сами смутили последних отсутствием оных. Это поставило их перед прямой необходимостью обличить неправомыслие, а тем самым и до-

²⁴ См.: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 241; см. также у Мирковича опубликованный в Приложении «Трактат о времени пресуществления»: «...два греческии учителя иеромонашескаго чина, прешедше от греческих стран к святейшему Иоакиму Патр. Московскому, начаша учити, еже не кланятися во время словес Христовых...» (*Миркович Г.* О времени пресуществления Св. Даров. Приложение. С. IX).

²⁵ «До приезда Лихудов в Москву сочувствие патр. Иоакима было на стороне Медведева» (*Миркович Г.* О времени пресуществления Св. Даров. С. 88).

²⁶ Остен. С. 108.

казать собственную правоту. Диспут с Белобочким давал возможность сделать это *ex cathedra*. Отсюда становится понятным и дальнейшее: с подачи Лихудов убежденный, очевидно, Евфимием²⁷ патриарх повторил роковую ошибку Никона: *послушав греков, отменил поклоны*. И если в тонкости догматического учения вникнуть могли далеко не все, то поклоны делали и видели все. Перемена была слишком разительна — вспыхнул пожар²⁸.

Нашелся, как при Никоне, и защитник старины — старец... Сильвестр Медведев: «Не откуда инуду таковое в московском царствии в вере православнии сотворися разнствие, точию от новых греческих печатных книг, которые во градах латинския веры и люторския и калвинския ереси печатаются, и с греческими древними рукописными книгами не согласуются»²⁹, — писал Медведев в одном из своих полемических трактатов: Русские люди наивно доверяются грекам, которые утверждают, что только они сохранили истинное православие. Между тем, дьявол так «ересми тяжкими всю Грецию насея, яко тамо редкий престол бе, при немже бы разныя ереси не раждалися и не возрастали...» Почему? Потому что многие греки «люди неправедни, сребролюбцы, паче неже боголюбцы, вящще любят ложь, неже истину, якоже о них свидетельствует святыи Павел глаголя: *Критяне присно лживи*, и тако они не точию самих себе, но и других простейших в погибель вводят...»³⁰ И вот этих-то лукавых людей послушав, «неции духовнии», оставив во всем сходные с древними греческими книгами древние же «харатейные» славянские, стали править все по новым, печатанным у немцев книгам. А те книги уже заражены новыми латинскими ересями, в которые впали, будучи зависимы от Запада, нынешние греки. Слушать их — безумие. Пусть даже так учит высшая церковная власть — и она может заблуждаться.

В этом критическом отношении к иерархии сходство позиции Медведева со старообрядческой становится просто разительным: «...почто убо бяше подобало людем Бога боятися и не грешити,— вопрошал он, — аще бы той всю власть свою вязания и решения даде архиереем и они по своему хотению, егоже хошут, аще и грешника, того своим разрешением в небо пушают, а егоже хошут, аще и праведника, и они своим связанием в ад водворяют?»³¹ Но главное, сами старооб-

²⁷ «Есть известие, что якобы сам патриарх иной раз жаловался на то, что именно Евфимий его “на то подбил, уже де мене не на одно и прежде подбивал, и я де настрадался”. Это, в частности, якобы касается и позиции Иоакима в вопросе о Пресуществлении...» (*Флоровский Г., прот.* Чудовский инок Евфимий // *Slavia*. (19). 1949. С. 133–134).

²⁸ «...обрядовые вопросы, замешанные в спор о времени пресуществления, привлекали к нему и народную массу, живо интересовавшуюся, под влиянием раскола, обрядовыми вопросами. А то недоверие к грекам, которое так сильно было поддерживаемо расколом, должно было склонять сочувствие простого народа на сторону латинствующей партии» (*Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще Русской Церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 501).

²⁹ Сильвестра Медведева известие истинное православным и показание о новоправлении книжном и о прочем: с предисловием и примечаниями Сергея Белокурова. М., 1886. С. 4.

³⁰ Там же. С. 4. Вспомним Аввакума, советовавшего царю Алексею оставить «кирьеленсон» (Пустозерская проза. С. 122).

³¹ Сильвестра Медведева известие истинное... С. 27.

рядцы держались тогда латинского мнения о пресуществлении: диакон Феодор в 1678 г. писал своим сторонникам из Пустозерска: «Верую и исповедую со всеми церковными учителями, яко прелагаются те предложенныя дары — хлеб и вино — в тело и кровь Христову Христовыми оными словесы, еже на тайной вечери рече: «примите и ядите, се есть тело мое»³².

Нетрудно представить, как много сторонников мог обрести себе такими рассуждениями Медведев³³. А если вспомнить, что всего три года назад, в 1682 г., был с трудом подавлен «бессмысленный и беспощадный» стрелецкий бунт, тот самый, который Медведев сам с ужасом описывал в «Созерцании кратком» и во время которого не только чудом на своих местах усидела власть, но и Патриарх был на волосок от смерти, легко понять, почему таким опасным представился спор о поклонах тому же Иоакиму³⁴, как жалел он, что вообще ввязался в него, и почему так жестоко, в конце концов, обошелся с Медведевым, — старец был действительно страшен властям поддержкой всех, склонных к старине, пусть даже и не прямых старообрядцев, хотя, конечно, вряд ли сам, как обвиняли его, злоумышлял на жизнь патриарха и собирался занять его место. Но патриарх помнил 1682 год³⁵. Помнили его и другие.

Дальнейшее, собственно, хорошо известно. Богословская полемика была прервана связанными с отстранением от власти царевны Софьи событиями, в результате которых Медведев был арестован в сентябре 1688 г. по политическому доносу. А в 1690 г. известный московский Собор осудил хлебопоклонную ересь

³² Цит. по: *Прозоровский А.* Сильвестр Медведев. С. 231.

³³ «...на стороне Сильвестра были симпатии большинства московского общества...» (Там же. С. 298).

³⁴ «...раскольники глухо волновались после своего возмущения, окончившегося казнью Никиты Пустозвята. На Дону поп Куземка чинил всякие расколы; Палеостровский монастырь был захвачен поморянами, которые потом и сожглись в нем. Были тогда и сумасшедшие, вроде Квирина Кельмана, в 1689 г. сожженного за ересь, или Аф. Ржевского, который в пылу битвы с попом Варфоломеем “тайну Христову всю пролил под ноги и ногами истоптал”» (Там же. С. 301). Ср.: «...народная масса встретила распоряжение патриарха о новом порядке благоговеста к Достойно и о поклонах крайне враждебно. Патриарху и духовным властям грозила серьезная опасность, и только вмешательство царевны Софии предотвратило кровавую катастрофу. Движение, вызванное Медведевым, таким образом, стало принимать характер противоиерархический» (*Сменцовский М.* Братья Лихуды. С. 155).

³⁵ См. у Медведева в «Созерцании кратком»: «Искали страшно и прочих, кто им надобен, всюду по кремлю, по дворам и монастырям. В дому же святейшаго патриарха наипаче по всем местам и в самой соборной великой церкви непрестанно, станица по станице пришел, всюду в сундуках и ящиках и под престолом копы пыряюще, при святейшем патриархе искали. Святейший бо патриарх с веру между множества их едва пройде в соборную церковь. — Невежди же зело ему в церкви досождали всякими словесы, чесога было им и мыслити не довелось» (Сильвестра Медведова Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве. М., 1894. С. 55). И далее: «К святейшему же патриарху в той же день многими стами прихождаху во всем оружии и грозяху не токмо его домовым служителем, но и самому копыями и бердыши, чтоб выдал изменников, у него во дворе хоронящихся, которых ни единого не было; и всюду по погребам, и по местам всем, и по сундукам, и по постелем непрестанно, и по подмостью искали. Не обретше же в доме его никого, паки пришедшее выборны их, о том же вопрошаху святейшаго патриарха, он же изрече, во омофор одеянный (яко ждый по их свирепству смерти): “Ей! Несть у меня в доме никаких изменников”. И оттоле престаша ходити и стужати ему» (Там же. С. 56).

и утвердил восточное учение о времени пресуществления Святых Даров. Сам Медведев дважды был подвержен пытке и казнен по обвинению в злоумышлении на жизнь Патриарха и Государя.

***

Предложенная реконструкция начала евхаристических споров позволяет ответить теперь М. Сменцовскому: почему частный и малопонятный богословский вопрос нашел «сочувствие в русском обществе и даже послужил предметом горячих споров»? — Став вопросом о «хлебопоклонной ереси», он оказался близким и понятным всем, будучи воспринят как вопрос об очередном безосновательном пересмотре традиции. Конечно, можно думать, что Медведев не без умысла встал за старину, рассчитывая тем самым обеспечить себе широкую народную поддержку и одновременно ненароком припугнуть власти, но, кажется, проблема все-таки лежала глубже. «Поле напряжения», в которое волей-неволей помещена была тогда русская богословская мысль, оказалось слишком многовекторным, и правильно выстроить «результатирующую» было совсем непросто. Греческая ученость того времени, воспитанная в европейских университетах, действительно давала повод заподозрить себя в близости к современным неправославным учениям, тогда как единство древней Церкви позволяло предположить возможность правосмыслия и за восходящей к апостолам католической традицией. Раскол представлял собой «зеркальное отражение» европейской Реформации в том смысле, что если за реформы на Западе стояли церковные «низы», а противником их была прежде всего высшая иерархия, то в России за преобразования выступал именно епископат, а низший клир и миряне стремились к сохранению status quo и, хотя эти круги резко отрицательно относились к латинству, но, как было показано выше, и оно могло стать для них знаменем «старины». В то же время в своем ощущении исчезновения, отсутствия «видимой Церкви» старообрядцы были близки к протестантам и поэтому сходились с ними и в некоторых пунктах учения — отказе от таинств, почитания мощей, икон³⁶ и т. д., и т. д. Уже отсюда ясно, как непросто было тогда нарождающейся русской богословской школе в этом смешении распознать истину.

Можно сказать и так: в то бурное время греческое богословие только свидетельствовало о вере отцов, русское — «даже до крови» училось самостоятельно прилагать эту веру ко всякому возникающему в поле его зрения явлению духовной жизни, училось не только безоговорочно отталкивать или принимать, но и понимать, училось той «всемирной отзывчивости», которая в будущем должна была принести столь богатые плоды.

Ключевые слова: XVII век, время пресуществления, Сильвестр Медведев, патриарх Иоаким, хлебопоклонная ересь, Остен.

---

³⁶ См., напр.: *Дмитрий Ростовский, свт.* Розыск о раскольнической брынской вере. СПб., 2009. С. 69–76.

TOWARDS THE ISSUE OVER THE BEGINNING OF MOSCOW DISPUTES ABOUT THE EUCHARIST FOR THE XVII TH CENTURY

PRIEST PAUL KHONDZINSKY

In spite of the fact that the majority of the documents concerning to Moscow disputes about the Eucharist of the seventeenth century, has been published for the XIXth century, currently historians has not answers to all questions of this complicated episode of the Russian church history. In particular the common opinion about the concrete reason of the specified disputes that have touched all layers of a Russian society so deeply does not exist till now. The author offers his hypothesis restoring the sequence of the events.

Keywords: the XVII-th century, transubstantiation time, Sylvester Medvedev, Patriarch Joachim, the heresy of venerators the Host, Osten.